

И.В. Арзамасцев

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ Г.С. ГАБАЕВА В ФОНДАХ БОРОДИНСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Государственный Бородинский музей-заповедник является старейшим военно-историческим музеем Европы. Одним из тех, кто участвовал в становлении музея как крупного научного центра, занимающегося изучением эпохи Отечественной войны 1812 года и историей русской армии времен наполеоновских войн был выдающийся русский ученый Г.С. Габаев.

Данная работа посвящена как личности Г.С. Габаева, так и его эпистолярному наследию, хранящемуся в фондах Бородинского музея-заповедника.

Георгий Соломонович Габаев родился в 1877 г. в Симферополе в семье потомственного военного. Его отец происходил из знатного грузинского княжеского рода Габашвили (Габаонели). Мать принадлежала к семье обрусевших французских гугенотов, бежавших в Россию, спасаясь от преследования.

В 1888–1895 гг. проходил обучение во Владимирском Киевском кадетском корпусе, который успешно закончил, получив чин унтер-офицера. В 1895 г. его перевели в Николаевское инженерное училище, где из простых юнкеров он был произведен в 1897 г. в младшие портупей-юнкера и в том же году повышен в старшие портупей-юнкера училища. В 1898 г. Г.С. Габаев произведен в подпоручики и определен в Гренадерский саперный полк.

В 1900 г. был прикомандирован к лейб-гвардии Саперному батальону, год спустя переведен туда подпоручиком и в том же году произведен в поручики. В 1904–1907 гг. он состоял старшим адъютантом при штабе 1-й саперной бригады, а в 1905 г. произведен в штабс-капитаны. В 1907 г.

Г.С. Габаев вновь вернулся на службу в лейб-гвардии Саперный батальон, где был назначен командиром военно-телеграфной роты.

Первую мировую войну Г.С. Габаев встретил в чине капитана, который получил в 1910 г., и был командирован в штаб Гвардейского корпуса. В 1915 г. он стал помощником командира лейб-гвардии Саперного батальона и в том же году был произведен в полковники. 17 февраля 1916 г. Г.С. Габаев был назначен командиром 1-го батальона лейб-гвардии Саперного полка и зачислен в роту Его Величества, а в марте стал корпусным инженером 1-го гвардейского корпуса.

Особое значение в судьбе Г.С. Габаева и всей русской армии имели события, наступившие после Февральской революции, в частности знаменитый приказ Керенского по армии, упразднивший воинскую субординацию. Какое-то время казалось, что Г.С. Габаев смог противостоять той анархии, которая постепенно охватывала фронт.

25 марта 1917 г. он стал членом и председателем полкового комитета лейб-гвардии Саперного полка, 29 июня его переизбрали в этой же должности, а 7 июля стал временно исполняющим делами полкового комитета лейб-гвардии Саперного полка. 10 августа 1917 г. Г.С. Габаев был утвержден командиром гвардии Саперного полка и корпусным инженером Гвардейского корпуса. Однако 1 декабря 1917 г. при отмене чинов он снял погоны, а 18 декабря был избран выборным командиром полка. Однако 1 апреля 1918 г. Георгий Соломонович Габаев снял форму гвардейских саперов. Полк был расформирован¹.

Гвардейские саперы перестали существовать, а вместе с ними оставил службу последний командир лейб-гвардии Саперного полка Георгий Соломонович Габаев. В течение Первой мировой войны гвардейские саперы активно участвовали во всех боях, где доблестно сражались гвардейские части. Они подготавливали позиции к обороне, взрывали мосты, формировали ударные группы для прорыва, строили инженерные сооружения, устанавливали связь и участвовали в штыковых атаках. Особенно отличились саперы во время попытки прорыва неприятельской обороны под Стоходом 15 июля 1916 г. За это сражение батальон под командованием Г.С. Габаева был награжден Серебряными трубами. Сам Габаев за годы Первой мировой войны был награжден несколькими орденами. Он был кавалером орденов Св. Анны 2-й степени с мечами, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, а также получил мечи и бант к ордену Св. Анны 3-й степени.

В эти трагические для него и России дни 30 ноября 1917 г. он записал в своей записной книжке: «Конец офицерской работе – в благодарность

за то, что офицеры все отдали родине и ничего не просили и не требовали для себя. «Да будет воля твоя носить и научи и дай силы нести крест до конца» (так в источнике. – *И.А.*). А день спустя, 1 декабря 1917 г., появилась следующая запись: «После обеда в 2 ч (14) сняли погоны [–] нет более офицер(ов), я более не полковник, а просто гражданин Габаев – да будет Воля Божия»².

Несмотря на то что Г.С. Габаев по состоянию здоровья был демобилизован из армии, он был снова призван в 1920 г., но уже для службы в рядах РККА.

Еще будучи на службе русской императорской армии, Г.С. Габаев в 1903 г. закончил Археологический институт в Санкт-Петербурге. После его окончания приглашен в помощники редактора инженерного отдела исторического очерка «Столетие Военного министерства», составил книгу V этого отдела («Инженерные войска в царствование имп. Александра I и участие их в войнах»), причем впервые установил генеалогию инженерных частей с 1797 по 1816 г. Собранный Габаевым при этом материал был использован им в книге «Опыт краткой хроники родословной русских инженерных войск» (СПб., 1907), при переработке справочной книжки Императорской главной квартиры «Инженерные войска» (1909) и в ряде других статей.

Г.С. Габаев участвовал также в подготовке исторического очерка «Государева свита» (главным образом по подбору иконографического материала и составлению глав «Польская свита Имп. Александра I», «В.К. Николай Павлович» и «Государева служба В.К. Николая Павловича»).

С 1909 г. Г.С. Габаев состоял помощником редактора «Журнала Императорского русского военно-исторического общества» и членом совета этого общества. Из статей Габаева, помещенных в этом журнале, назовем наиболее крупные: «О способах ознаменования столетней годовщины священной памяти 12-го года» (1910. Кн. 2); «Документ о русских знаменах и прочих войсковых регалиях начала XIX в.» (1911. № 1); «О портретах Императора Александра I, наиболее близких к эпохе Отечественной войны» (1911. № 3); «Краткий очерк развития образца русских знамен и штандартов в XIX в.» (1911. № 4, 5). Кроме того, в приложении к издаваемому в Киеве «Военно-Историческому вестнику» за 1912 г. были опубликованы «Роспись русским полкам 1811 г.» и отдельно «Родословная понтонных частей, 1797–1821 гг.». Г.С. Габаев состоял членом-учредителем и членом Совета Императорского русского военно-исторического общества. За проведение юбилейных торжеств в честь 100-летия Бородинской битвы награжден медалью на аннинской ленте. Он был одним из создателей Музея 1812 года.

Первая мировая война прервала научную деятельность Г.С. Габаева. При мобилизации 1914 г. Габаев упаковал все свое собрание и библиотеку в 30 больших ящиков и оставил их на хранение в помещении музея Саперного батальона. Когда же в 1918 г. он вернулся с фронта, то не застал ни запасного батальона, ни посвященного ему музея.

Расцвет творческой деятельности Г.С. Габаева падает на 20-е годы. Именно в это время он становится ведущим сотрудником Главархива и приступает к созданию Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ). В 1926 г. он становится заведующим военными музеями и фондами Ленинградского отдела Главнауки и председателем Совещания Ленинградских военных музеев. Архивная и музейная наука обязана Габаеву термином «фондообразователь», который сейчас стал одним из основных в музейной практике. В фондах Бородинского музея хранится рукопись Г.С. Габаева «Опыт основных принципов организации научных хранилищ».

Несмотря на то что Габаев Г.С. не участвовал в гражданской войне, советская власть не оставляет его в покое. Тяжелое материальное положение в годы Гражданской войны вынудило Г.С. Габаева распродать сохранившуюся часть своей коллекции. Это произошло незадолго перед арестом. В 1921 г. привлекался в связи с восстанием в Крондштате, а в 1926 г. арестован за участие в оккультном кружке. За отказ сотрудничать со следствием его ссылают в Автономную область Коми. А в 1930 г. снова арестован в Курске по так называемому «делу Академии наук», или «делу историков». В предполагаемом заграничном правительстве Платонова ему якобы предназначалась роль военного министра, о чем сам Габаев ничего не знал. 10 мая 1931 г. приговорен к расстрелу, который был заменен 10 годами заключения, позже приговор был заменен на 10 лет лагерей. Отбывал срок на Соловках и в Дмитлаге. Будучи заключенным, принимал участие в подготовке монографии о Беломорканале. В 1937 г. Г.С. Габаев был освобожден досрочно. Как во время нахождения в лагере, так и позднее ему неоднократно предлагали подать прошение о смягчении участи, но он отказывался, так как условием было признание вины.

До начала Великой Отечественной войны жил в г. Талдоме Московской области, потом в г. Калязине, во время войны – в Калязинском районе Калининской области. После снятия блокады вернулся в Ленинград к дочери, но был выслан за 101-й километр в пос. Будогощ Ленинградской области. В устройстве на какую-либо работу и назначении пенсии ему было отказано. Умер в 1956 г., похоронен в пос. Будогощ Ленинградской области³.

Самое крупное собрание материалов, связанных с личностью Габаева, находится в ГПБ в Петербурге. Собрание Габаева также представлено в Исторической библиотеке в Москве, его хронологические рамки охватывают период с 1951 по 1955 г.

Тематика этих исследований крайне разнообразна и касается проблем, связанных с ходом боевых действий в Бородинском сражении и историей формирования воинских соединений, в нем участвовавших, вопросов униформологии как русских, так и французских войск и т.д. Особый интерес в своих исследованиях, о чем он упоминает в письме, Габаев проявлял к истории инженерных войск. И это не случайно, ведь сам Габаев служил в этих войсках, войдя в историю последним командиром гвардейского Саперного полка, отличившегося на полях Первой мировой войны.

Последние годы жизни Г.С. Габаева были связаны с Бородинским музеем-заповедником.

Фонд Г.С. Габаева, хранящийся в Бородинском музее-заповеднике, состоит из более чем трех десятков писем, написанных от руки несколькими почерками. Габаев отмечал, что часть писем была написана под диктовку его женой Софьей Григорьевной Розен, происходившей из известной семьи декабриста Розена.

Каждое из этих писем представляет законченное научное исследование. Причем источниковедческая база писем отвечает самым высоким академическим требованиям, что особенно удивительно, поскольку Григорий Соломонович не мог пользоваться материалами библиотек и научных архивов, которые ему фактически были недоступны. В своих блестящих изысканиях он мог оперировать лишь личными записями и великолепной памятью. Большое внимание в письмах Габаев отводит вопросам униформологии, которую он считал самостоятельной исторической дисциплиной. Следует сказать, что проблемы униформологии стали ведущими в его исследованиях. Ведь знаменитая «Роспись русским полкам 1812 г.» фактически осталась главным его трудом, к которому он обращался на протяжении всей своей очень нелегкой жизни⁴.

Необходимо подчеркнуть, что история бытования этого выдающегося труда в фондах Бородинского музея и его источниковедческий анализ заслуживают отдельного изучения. Здесь же хотелось бы подчеркнуть истинную заинтересованность исследователя в изучении и распространении знаний об эпохе Отечественной войны 1812 года и в развитии музея, его бескорыстность. Особое место в творчестве Г.С. Габаева занимает

критика исторических реалий в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» с точки зрения военного историка. В частности, в рамках толстовской проблематики Габаев разрабатывает тему «Русская армия 1805–1812 гг.», которая становится определяющей в его эпистолярном наследии.

Вместе с тем сделать тематическую подборку эпистолярного наследия, исходя из хронологии, не представляется возможным. Это связано с тем, что в письмах перед нами предстает живой диалог, который не поддается хронологическому упорядочиванию. Темы сменяют одна другую в живом общении адресатов, исчезают и снова появляются. К сожалению, рамки статьи не позволяют подробно рассмотреть всю проблематику писем. Сосредоточимся на теме празднования 140-й годовщины, которая, в свою очередь, объединяет несколько тем, о которых сказано выше.

Первое письмо*, датированное 2 января 1952 г., было направлено директору музея Сергею Ивановичу Кожухову по поводу его статей в журналах «Большевик» (1951. № 15) и «Огонек» (1951. № 39), посвященных предстоящей 140-й годовщине Бородинского сражения, и в связи с высказываниями академика Тарле о романе Толстого «Война и мир»⁵.

Обращаясь к С.И. Кожухову, он пишет: «Позвольте мне старому военному историку, начавшему исследовательскую и музейную работу более полувека назад (см. „Военн. Энцикл. Г.С. Габаев“) поделиться с Вами впечатлениями и соображениями по поводу Вашей замечательной статьи. Вы вероятно меня не знаете, а если знаете мои работы и статьи, то имеете все данные считать меня давно убывшим, но я давно наслышан о Вас от моего друга и давнего соратника по „Русскому Военно-Истор. Об-ву“ (1907–1914) и комитету по устройству музея 1812 г. проф. В.А. Афанасьева»⁶.

Письмо невозможно читать без волнения. Перед нами возвращение из небытия крупного ученого-исследователя, которого лишили дела всей его жизни. Однако драматизм сложившейся ситуации отступает перед научной полемикой со старым оппонентом в лице академика Тарле, а близкая тема «Войны и мира» Толстого вызывает необходимость написать письмо. Г.С. Габаев пишет: «Ваша статья о книге академика Тарле вызвала мое горячее одобрение (речь идет о монографии академика Е.В. Тарле «Отечественная война 1812». – А.И.), а мимолетный отзыв об ошибках Толстого в „Войне и Мире“ вполне созвучен основной

* В письмах и сочинениях Г.С.Габаева сохранены авторская орфография и пунктуация.

идее нашей большой совместной с Афанасьевым работе „Война и Мир“ с военно-исторической точки зрения»⁷.

В этом же письме Габаев, обращаясь к Кожухову, четко определяет свою позицию как историк-исследователь: «Вы стремитесь рассеять все ложные концепции и искажения в истории названной войны (Отечественной войны 1812 года. – *А.И.*), уже разрушили ложные халтурные представления Тарле и его последователей. Я стремлюсь указать неверности в исторических восприятиях Толстого и его подражателей и указать в чем красивая эпопея не согласна с истиной, в особенности в отношении всего, касающегося русской армии 1805–1812 г.г., которую он представлял себе неизменившейся и по времени его военной службы 1851–56 г.г.»⁸.

С этого времени между Габаевым и музеем начинается активная переписка, которая была прервана лишь смертью ученого-исследователя в 1956 г. Главным корреспондентом Габаева был главный хранитель музейных коллекций Константин Иванович Шатов. Уже в одном из первых писем, направленных в Бородинский музей, Габаев предлагает свою помощь в качестве эксперта и специалиста: «Рад был бы и впредь быть посильно полезным, хотя теперь, живя в отдалении от научных центров, музеев и библиотек и после гибели моей специальной библиотеки и коллекции, я могу лишь полагаться на свою стариковскую память, да указать, где искать те уточнения, которые иначе мог бы быстро выяснить сам»⁹.

В этом же письме звучит тема празднования 140-й годовщины Бородинского сражения: «Рад, что 140-ая годовщина Бородинского сражения будет отмечена и что музей ведет к этому культурную и энергичную подготовку. Все, что Вы мне сообщили по этому вопросу очень интересно и симпатично, и я очень благодарен за это сообщение». И далее: «Вполне согласен с Вами, что в изобразительном искусстве недостаточно отражен славный день Бородина, и рад, что научные силы музея стремятся восполнить этот досадный пробел»¹⁰.

В фондах Бородинского музея сохранилась копия письма администрации Бородинского музея, адресованного Габаеву, в котором говорится: «Дорогой Георгий Соломонович! Мы обращаемся к Вам, как к крупному знатоку истории Отечественной войны 1812 года, с просьбой оказать нам помощь в создании картин, правдиво изображающих великое событие в Отечественной войне 1812 года – Бородинское сражение». По мнению музейщиков, это должна быть картина, на которой был бы изображен Кутузов на командном пункте у д. Горки.

В связи с этим далее в письме задавался вопрос: «На картине Кутузов на командном пункте в день Бородинского сражения. Для нас важно знать Ваше мнение, кого из генералов можно изобразить рядом с Кутузовым?»¹¹.

К сожалению, письмо не датировано, но, очевидно, оно написано в январе 1952 г. и было ответом на письмо Габаева от 2 января 1952 г. В ответ Габаев пишет: «Что касается его окружения, это вопрос трудный, т.к. оно менялось. Назвать тех, кто во время сражения мог быть при Кутузове или упоминался: Беннигсен, Коновницын, генерал Толь, Вистицкий, адъютант Михайловский-Данилевский, состоявшие при штабе Кутузова, Скобелев (дед) и Жуковский. Временно там могли находиться генералы Ермолов, Кутайсов, вначале Евг. Вюртембергский и Дохтуров, но необходимо проверить их по их биографиям или в изд. Ник. Мих. „Военная галерея Зимнего дворца“ или в изд. Межевича и Песоцкого 1840-х гг., где биографии сначала составлялись Михайловским-Данилевским, а затем Висковатым»¹².

Существуют две картины, изображающие М.И. Кутузова на Бородинском поле. Полотно С.В. Герасимова, хранящееся в Бородинской панораме в Москве, и картина художника А.П. Шapelюка «Михаил Кутузов в Бородинском сражении». На картине Герасимова Кутузов изображен в полный рост на фоне сражения в окружении генералов, личность которых не поддается определению. На картине же Шapelюка Кутузов изображен, сидящим на скамейке. В связи с этим как не вспомнить строки габаевского письма, в котором он пишет, обращаясь к бородинским музейщикам: «Как хотите Вы изобразить Кутузова на командном пункте Бородинского поля? Еще сидящим на скамейке или уже севшим на коня. На мой взгляд показательно первое, как знаменующее полное спокойствие славного полководца»¹³.

К этим рекомендациям Г.С. Габаев в следующем письме добавляет весьма красочные характеристики тех, кто мог окружать великого полководца на командном пункте, и дает подробное описание мундиров. Он пишет: «Перехожу к отдельным лицам: Беннигсен – длинная сутулая, мрачная фигура, лицо лошадиное. Гравюр было множество. Лучшая с портрета Доу – сидит, опираясь на шпагу, в шитом мундире. Всем видом хочет показать, что он сам себе Кутузов и ему наплевать на Кутузова. Возможна и голубая Андреевская лента за состязание с Наполеоном в 1807 г., но надо проверить. – Ермолов – богатырь, красавец, но не без хитрецы и себе на уме. Мундир обще-генеральский, т.к. числится по конной артиллерии, султан белый. У всех шпаги еще в желтых ножнах.

Лента возможно у Ерм. красная через левое плечо. – Кутайсов – красавец, юноша восточного типа. Одет как и Ермолов, но по молодости лента могла быть анненская, красная с узкими желтыми краями через левое плечо. Платов – в синем казачьем кафтане, воротник синий же с серебряным шитьем, вроде генерал-адъютантского. Шапка высокая черная барашковая с красным шлыком, белым султаном и серебряными этишкетками. Повязан широким серебряным офицерским шарфом. Александровская лента, наверно была, но м.б. и андреевская. Надо проверить. Платов в усах, прочие генералы бритые»¹⁴.

Из окружения Кутузова на картине А.П. Шapelюка хорошо идентифицируются те лица, о которых пишет Г.С. Габаев, а именно: Ермолов, Кутайсов, Беннигсен, Михайловский-Данилевский, исключение составляют Раевский и Платов, которого художник изобразил на коне. Фигуры Ермолова и Раевского указывают на прямые аналогии с портретами Джорджа Доу из знаменитой «Военной галереи Зимнего дворца», на которую Габаев указывает как на основной источник при подготовке к написанию данного исторического полотна.

Исходя из вышеизложенного, есть основания предполагать, что А.П. Шapelюк в той или иной мере воспользовался рекомендациями Габаева.

Несмотря на то что Габаев не мог лично присутствовать на праздновании 140-й годовщины сражения на Бородинском поле, он тщательно следил за научной работой по его подготовке и принимал в ней самое деятельное участие. Об интенсивности сотрудничества Г.С. Габаева с Бородинским музеем-заповедником свидетельствует письмо от 30 июля 1952 г., отправленное Габаевым накануне празднования 140-й годовщины Бородинского сражения. К письму прилагался перечень «посылаемого в ГВИ Бородинский музей»:

«1) Очередная серия справочно-вспомогательных таблиц типов и мундиров 1812 г. и другой графики на эту тему: а) фигуры солдат и схемы мундиров: 50–51 – поляки, 52 – голландцы, 53–55 – итальянцы, 56–59 – вестфальцы; б) эскизные схемы национального состава корпусов и полков Наполеона в 1812 г. – во всей его армии (иноземные контингенты), 61 – всех корпусов, 62 – корпусов его на Бородинском поле /с текстовой базой/; в) Портреты: 63 – Васильчикова, 64 – Кутузова /печатные/, 65 – Багратиона /эскиз/.

2) Воспоминания о подготовке к ознаменованию 100-летней годовщины войны 1812 года; 3) Каталог Гирземана 1912 года (с отделом Uniformen); 4) Н.В. Арнольд „На Бородинском поле“ стихотвор. 1932 года;

5) Л. Столица. Стихотвор. „Генералам 1812 года“; 6) Г. Габаев „Опыт формулировки основных принципов организации научных хранилищ“. Текст доклада 1922 г.»¹⁵.

Среди материалов особенное внимание обращают на себя «Воспоминания о подготовке к ознаменованию 100-летней годовщины войны 1812 года».

В заключение следует сказать, что фонд Г.С. Габаева Бородинского музея-заповедника имеет большое историко-культурное значение, поскольку является ценным источником по изучению как эпохи Отечественной войны 1812 года, так и истории русской армии начала XIX в. Настоящая статья лишь обозначает возможные подходы к исследованию наследия ученого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Клочков Д.* Гвардейские саперы в Первую мировую войну: Из архива Г.С. Габаева // Цейхгаус. 2016. № 2. С. 95–104; *Гордин Я.А.* Отчет перед Родиной о работе и жизни и испытаниях военного историка Георгия Габаева: Сводка автобиограф. материалов, 1877–1945 гг. // Звезда. 2009. № 11. С. 134–159.

² *Клочков Д.* Указ. соч. // Цейхгаус. 2016. № 3. С. 71.

³ *Автократов В.Н.* Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г.С. Габаева (1877–1956) // Сов. архивы. 1990. № 1. С. 62–75; *Он же.* Указ. соч. (окончание) // Там же. 1990. № 2. С. 61–78.

⁴ Этот экземпляр является уникальным историческим источником, исследовании и публикация которого может представлять особую ценность для историков Отечественной войны 1812 года. В то же время сам текст с многочисленными вставками автора, выполненными в цвете, является своеобразным памятником его научной деятельности.

⁵ Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник. Ф. Габаева. ПБМ-5761/1. Письмо от 02.01.1952 г.

⁶ Там же.

⁷ В.А. Афанасьев – видный советский историк. Окончил 3-е военное Александровское училище (1893 г.). Служил в лейб-гвардии Павловском пехотном полку. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1899 г., по 1-му разряду). Добровольно вступил в РККА. Исполнял должность начальника ВОСО Северного фронта (19.03–23.04.1918). С 1 октября 1921 г. помощник начальника Музея Красной Армии и Флота, штатный преподаватель русской истории военного искусства Военной академии РККА. С 1924 г. преподавал военное искусство в Военно-воздушной академии, в 1926–1930 гг. занимал должность начальника музея НКПС, затем читал лекции в Горной академии.

В 1930 г. был арестован ГПУ, но освобожден без суда. Повторно арестован 25 января 1931 г. по делу «Весна», виновным себя не признал. Осужден на три года исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывал в СибЛАГе. По материалам дела, в 1935 г. еще находился в заключении. После освобождения проживал в Новосибирске. В 1940–1950 гг. работал в Институте истории АН СССР, затем в Государственном историческом музее. Умер в Москве.

⁸ Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник.
Ф. Габаева. ПБМ-5761/1. Письмо от 02.01.1952 г.

⁹ Там же. ПБМ-5761/3. Письмо от 06.02.1952 г.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. ПБМ-5766/2.

¹² Там же. ПБМ-5761/3. Письмо от 06.02.1952 г.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. ПБМ-5711/5. Д. 2323. Письмо от 26.03.1952 г.

¹⁵ Там же. ПБМ-5761/10. Д. 23283. Приложение к письму от 30.07.1952 г.